

Ю. С. Степанов. Семиотика. — М., «Наука», 1971. 145 стр.

В рецензируемой работе, посвященной рассмотрению основных вопросов семиотики, определяется предмет семиотики как науки, указано ее отношение к другим наукам. Автор расценивает свою работу «как семиотическое введение в лингвистику» (стр. 4). Изучению конкретного материала предпосланы предисловие (стр. 3—5) и гл. 1 «Факты и первые объяснения» (стр. 6—26), в которой, помимо описания некоторых фактов, которые изучает семиотика, содержится краткий обзор «Из истории семиотических идей» (стр. 15—26). В этой истории прослеживаются два потока идей. Один поток идет от изучения национальных особенностей человечества. В этой связи анализируются взгляды В. Гумбольдта, В. Вундта, А. А. Потебни; далее рассматриваются семиотические воззрения К. Фослера, П. Гренье, указываются русские работы Ю. Н. Тынянова, Б. А. Ларина, Б. В. Томашевского, А. Белого, Б. Эйхенбаума, в которых также излагается семиотическая проблематика. Проблемами семиотики, по мнению автора, интересовались Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, И. Трир, Л. Вейсгербер и др. (стр. 19). В работах указанных авторов проблемы семиотики ставились в разрозненном виде.

В более концентрированном виде семиотические проблемы ставились и обсуждались в связи с понятием знака («второй поток семиотических идей» — стр. 20). Здесь называются имена Дж. Локка, П. Гассенди, Э. Б. де Кондильяка, для более позднего времени — Ч. Пирса, Ч. Морриса, Г. Фреге, Ф. де Соссюра.

В современной семиотике автор выделяет четыре направления: 1) биосемиотику (Ч. Хоккет, США; П. И. Жинкин, СССР); 2) этносемиотику (Э. Холл, США; К. Леви-Стросс, Франция); 3) лингвистическую; 4) абстрактную семиотику и, наконец, 5) общую семиотику, в рамках которой решаются общие вопросы всех этих направлений. Более подробное изложение содержится в гл. 2 «Направления в современной семиотике» (стр. 27—79).

В разделе этносемиотики (стр. 32—46) излагается, в частности, концепция К. Леви-Стросса, отмечается ее противоречивость, объясняемая тем, что «у этого автора в рамках одной теории, по-видимому, соединяются философская экзистенциалистская основа и структуралистская методика, тяготеющая к совершенно иной философской основе» (стр. 38). Ю. С. Степанов возражает Леви-Строссу, который полагает, что человеческий «язык мог возникнуть только сразу и целиком» (стр. 40), но не выясняет сути семиотических проблем, возникающих при исследовании проблемы происхождения языка.

При изложении концепции Р. Барта подчеркивается, что именно он впервые обратил внимание на то, что «между общим национальным языком и индивидуальным стилем писателя существует еще промежуточная ступень — как бы диалект литературного языка, присущий нескольким писателям одновременно» (стр. 41), общность стилей ряда писателей Р. Барт называет «письмом» (ср.: *икона новгородского письма* и т. п.). В изложении автора остается неясным, в чем заключается семиотический аспект указанного разделения.

В разделе, посвященном лингвистической (стр. 46—75), излагаются общеизвестные положения современного языкознания, в частности, в лингвистических единицах выделяется план выражения и план содержания, в языке различаются конкретный и абстрактный уровни; к первому относятся, например, фонетика и записанные в словаре значения, а ко второму — фонология и семантические поля.

Абстрактную семиотику автор определяет как «абстрактную теорию знаковых систем (любых, а не только языка или языкоподобных)» (стр. 75). Абстрактная семиотика, по мнению автора, представлена в работах Р. Карнапа («Логический синтаксис языка», 1934) и Л. Ельмслева («Пролегомены к теории языка», 1943).

Общая семиотика определяется как наука, занимающаяся сравнением, сопоставлением и обобщением результатов частных семиотик (стр. 78). Рецензируемую работу автор рассматривает как опыт изложения общей семиотики (стр. 79).

В гл. 3 «Основные законы семиотики» (стр. 80—144) выделяются и подробно рассматриваются в соответствующих разделах: а) объективные законы (синтактика); б) законы, зависящие от позиции наблюдателя (прагматика); в) законы смысла (семантика).

Во всех разделах рецензируемой книги сообщается много свежих мыслей, малоизвестных фактов. Вместе с тем многие положения книги имеют дискуссионный характер и требуют более обстоятельного обсуждения.

Ю. С. Степанов определяет семиотику как «науку о знаковых системах в природе и обществе» (стр. 3). С этой точки зрения принципиальное значение приобретает определение понятия «знаковая система». По Ю. С. Степанову, «знаковая система есть материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами» (стр. 81). Такому пониманию знаковой системы вполне соответствуют живые естественные языки. Люди обмениваются между собой мыслями эмоциями,

образами с помощью знаковых систем, но в рецензируемой книге понятие знаковой системы распространяется и на природу. На стр. 82—83 приводится пример так называемого тропизма: когда растение поворачивается под влиянием солнечного света, его стебель может изгибаться; изгиб стебля растения автор считает знаком.

Естественно, что растение, изогнувшее свой стебель под влиянием солнечных лучей, не обменивается информацией с каким-либо другим растением с помощью указанного «знака». Если знаковые явления присущи природе, то определение знаковой системы должно охватывать и эти явления. В таком случае знаковую систему можно было бы определить как источник информации, которую может получать и перерабатывать другая материальная система. Изгиб стебля растения под влиянием солнечного света может служить источником информации (например, для человека).

Определение знака по Фреге (треугольник Фреге) Ю. С. Степанов применил к определению имени: в одном углу треугольника он поместил имя, в другом — предмет, называемый денотатом имени, в третьем — смысл имени, или концепт денотата, в форме которого осмысливается данный предмет в сознании говорящих.

Далее автор выдвигает идею обобщения треугольника Фреге, придав подвижность его ребрам, позволив им сходиться, — в результате его ребра сближаются или даже совмещаются (стр. 90). По мнению автора, денотат (вещь) может сближаться или совмещаться с понятием (смыслом), что «имеет место», — говорит автор, — в абстрактных семиотиках типа символической (математической) логики» (стр. 90). Однако, если денотатом является вещь, а смыслом ее — оформление в сознании человека, то ясно, что вещь не может совпадать со смыслом, поскольку первое принадлежит миру материального, а второе миру идеального. Считая, что смысл может стать денотатом, автор ссылается на Фреге, который, рассматривая пример: *Король Георг хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверля*, пришел к выводу, что денотатами имени в косвенных контекстах являются их смыслы. Выражение *Вальтер Скотт* является именем лица. Фреге полагает, что и выражение *автор Веверля* является именем того же лица, другим именем которого является *Вальтер Скотт*. Разные имена, обозначающие один денотат, могут взаимозаменяться. Тогда мы можем получить фразу *Король Георг хотел знать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом*. Ясно, что такой вопрос не разумен. Фреге предположил, что денотатами имен в косвенных контекстах являются их смыслы.

В действительности выражение *автор*

Веверля — не имя, именем является род. падеж *Веверля*, и его денотатом является произведение, а слова *автор* в сочетании с нулевым когнитивным глаголом есть выражение предикативного отношения между лицом *Вальтер Скотт* и его произведением *Веверля*. Смысл вопроса заключается в следующем: *Король Георг хотел знать, находится ли лицо Вальтер Скотт в отношении авторства с произведением Веверля*. Из этого следует, что смысл имени в данном косвенном контексте не становится его денотатом; вообще говоря, денотат и смысл имени не совпадают ни в прямых, ни в косвенных контекстах.

Развивая идею сближения ребер треугольника Фреге, Ю. С. Степанов пришел к выводу об обращении планов — единиц плана выражения и единиц плана содержания. Имя — единица плана выражения, а его смысл — единица плана содержания. Автор полагает, что в известных условиях смысл может быть знаком, т. е. единицей плана выражения, а имя — его содержанием, смыслом: «В частном случае, в языке как звучание может быть означающим (знаком) для смысла, так и смысл может быть означающим (знаком) для звучания» (стр. 129). Так, в толковых и переводных словарях за данное принимается звучание (написание), и искомым является смысл; в этих словарях звучание является знаком, т. е. единицей плана выражения, а смысл — смыслом, т. е. единицей плана содержания. В идеографических словарях за данное принимается смысл, а искомым являются имена. В этом последнем случае известный нам смысл, по мнению Ю. С. Степанова, принимается за означающее (знак), т. е. он является в этом случае единицей плана выражения, а имя — его «смыслом», т. е. единицей плана содержания (стр. 129).

Ю. С. Степанов пишет: «Обращение планов (план содержания становится планом выражения, план выражения — планом содержания) имеет место тогда, когда от мыслительного содержания, смысла знака мы идем к самому знаку» (стр. 130).

Эти рассуждения автора основаны на смешении разных статусов имен естественного языка. В метаязыке, с помощью которого мы высказываемся об именах естественного языка, должно быть по меньшей мере четыре класса знаков: особый знак для имени, когда мы рассматриваем его как знак денотата; особый знак, когда мы говорим о денотате этого имени; особый знак, когда мы говорим о смысле этого имени, и особый знак, когда мы говорим об имени, денотатом которого является само это имя.

Имя будет набираться курсивом: *сын* есть имя лица «сын».

Если мы будем говорить о денотате имени *сын*, то должны иметь знак для

обозначения этого денотата. Знаком денотата имени сын будем считать сын, набранный полужирным шрифтом.

В выражении «Имя сын обозначает лицо сын» знак сын имеет статус имени, а знак сын статус денотата этого имени.

Если мы будем говорить о смысле имени сын, то будем считать его знаком слова, набранным полужирным курсивом.

В выражении *Сын — лицо мужского пола по отношению к своим родителям* знак сын имеет статус денотата имени сын, а цепочка знаков *лицо мужского пола по отношению к своим родителям* — статус смысла того же имени сын.

Если мы будем говорить об имени сын как о знаке самого себя, мы будем считать его знаком — «сын». В выражении «Сын» содержит три фоныма знак «сын» имеет статус имени самого имени, т. е. денотатом имени «сын» является имя сын. Таким образом знак сын имеет статус имени, знак сын — статус денотата того же имени, знак сын — статус смысла того же имени, знак «сын» — статус имени сын.

В естественном языке нет таких различий в именах, но фактически имена имеют разный статус. Имена естественного языка имеют четыре статуса, который определяется по контексту. В выражении *Этот человек называется Петром* сочетание этот человек есть знак, который имеет статус денотата, а твор. падеж *Петром* — знак, который имеет статус имени денотата этот человек (т. е. денотата, обозначенного сочетанием *этот человек*).

В выражении русско-немецкого словаря «Сын — Sohn» знак сын имеет статус денотата (т. е. лица сын), знак Sohn — статус немецкого имени денотата сын. В выражении немецко-русского словаря «Sohn — сын» знак Sohn имеет статус имени, денотат которого по предположению не известен читателю, русск. сын — знак, имеющий статус денотата немецкого имени Sohn. Таким образом, в переводных словарях с родного на иностранный язык и с иностранного на родной имена родного языка имеют статус денотатов, а имена иностранного языка — статус иностранных имен соответствующих денотатов. В переводных словарях мы ищем не смысл к данному знаку, как думает Ю. С. Степанов, а иностранное имя к данному денотату, или к данному иностранному имени — его денотат и его имя на родном языке.

В толковых словарях мы действительно ищем к данному имени, которое является знаком, — его смысл, который представлен также знаками. В выражении толкового словаря *Медь — вязкий, ковкий металл красноватого цвета*, знак медь имеет статус денотата имени медь, а знаковая цепочка *вязкий, ковкий ме-*

талл красноватого цвета имеет статус смысла имени медь.

Можно построить выражение *Вязкий, ковкий металл красноватого цвета называется медью*. В этом выражении данным является цепочка знаков *вязкий, ковкий металл красноватого цвета*, а искомое знак медь. Однако указанная цепочка знаков сохраняет статус смысла, а знак медь — статус имени.

В идеографических словарях данным является знак, имеющий статус смысла, а искомым — имена. Возьмем идею стили. Знак *стили* имеет статус смысла; для его выражения используются имена: *язык, словарь, фраза, период, стиль академический, дидактический, драматический* и т. п. Тот факт, что данным является знак, имеющий статус смысла, идеи, не делает его единицей плана выражения, а имена — единицами плана содержания.

Всякий знак, имеющий статус смысла, является единицей плана содержания, независимо от того, является ли он данным или искомым; всякий знак, имеющий статус имени, является единицей плана выражения, независимо от того, является ли он данным или искомым. Таким образом, заявление Ю. С. Степанова о том, что смысл как единица плана содержания может обратиться в денотат или в единицу плана выражения, не соответствует действительным фактам языка.

Автор рассматривает парадокс гетерологичности, суть которого заключается в следующем. Есть имена, которые обозначают некоторое свойство в объективной действительности и сами обладают этим свойством. Такие имена называются автологичными. Имя «старое» обозначает старое в объективной действительности и само является старым (т. е. имеет давнее происхождение). Это имя автологично. Есть имена, которые обозначают некоторое свойство в объективной действительности, но сами не обладают этим свойством. Имя *мощное* обозначает мощное в объективной действительности, но само не обладает свойством мощности. Такие имена называются гетерологичными.

Возникает вопрос: а само имя гетерологичное — гетерологично или автологично? Формулируя ответ на этот вопрос, мы сразу же обнаруживаем, к своему ужасу, что прилагательное „гетерологическое“ гетерологическое в том и только в том случае, если оно не гетерологическое¹.

Ю. С. Степанов полагает, что источником парадокса гетерологичности является так называемая гетерогенность языка: язык является гетерогенным, так как в него как в знаковую систему входят

¹ А. Фрейдель, И. Бар-Хилел, Основания теории множеств, М., 1966, стр. 22.

знаки, разнородные в некоторых отношениях. Для иллюстрации гетерогенности языка Ю. С. Степанов приводит следующий пример системы, составленной из знаков, относящихся к одному горизонтальному ряду и поставляющих синонимичные средства выражения для разных ситуаций: плевков в человека — имитация плевка (т. е. плевков на землю) — восклицание «тыфу!» (стр. 121).

«Нетрудно видеть, — заключает автор, что парадоксы такого типа являются абстрактным аналогом конкретного семантического свойства знаковых систем — их гетерогенности» (стр. 123). Каким образом гетерогенность языка вызывает указанный парадокс, автор не раскрывает.

В действительности источником указанного парадокса является не гетерогенность языка, а смещение статусов имен естественного языка и принятие порочного понятия автологичности. Имя *старое* обозначает старое в объективной действительности. Следовательно, денотатом имени *старое* является старое в объективной действительности. Но когда говорят, что имя *старое* само является старым, то тем самым создается иллюзия, будто имя *старое* — одно имя. В действительности существует два имени: есть одно имя *старое*, и его денотатом является старое в объективной действительности; есть другое имя «старое», и его денотатом является свойство слова *старое*. Имя *старое* и имя «старое» это омонимы, т. е. два разных слова, а не одно слово. Нельзя о слове говорить, что оно автологично, если там, где видят одно слово, в действительности имеется два слова. Тем самым незаконным является утверждение, что слово «гетерологичное» гетерологично тогда, когда оно автологично.

Рассматривая язык на абстрактном уровне, автор понятие класса языковых элементов на наблюдаемом уровне (класс как множество, класс вариантов) противопоставляет понятие класса на представляемом уровне (класс как целое — инвариант) (стр. 64). Эти понятия применяются к определению «проблемы морфемы». Проблема здесь заключается в следующем. Морфы имеют материальную форму (их можно произносить и слышать) и определенную семантику: «морф есть элементарный знак, частично зависимый от позиции в речи» (стр. 57). Морфемы могут быть представлены многими морфами со сходным общим значением, ср. морфы мн. числа -ы/-и (*стол — столы, конь — кони*), -ья (*стул — стулья, овья (жуж — жужовья), -а (глаз — глаза)*) и др. Эти морфы, не имея материального тождества, с материальной стороны не образуют одной единицы, хотя семантически объединены одним значением. Тем самым морфема оказывается единицей плана содержания, а не плана

выражения. В плане выражения она не представляет единицы. Ю. С. Степанов полагает, что можно сохранить понятие морфемы как единицы плана выражения, если признать, что класс морф со сходным общим значением на конкретном уровне представляет собою множество, а на абстрактном уровне — целое (стр. 53, 56—57).

Таким образом морфема сохраняет статус материальной единицы на абстрактном уровне как целое, частями которого являются морфы, и остается простым множеством на конкретном уровне. Автор не объясняет, каким образом класс имеет свойство множества на конкретном уровне и свойство целого на абстрактном уровне.

Однако автор едва ли прав, полагая, что класс как множество принадлежит к конкретному уровню, а класс как целое — к абстрактному уровню. Наоборот, класс как множество принадлежит к абстрактному уровню, а класс как целое — к конкретному уровню. Множество представляет собою совокупность предметов любой природы, взятых вне времени и места их существования.

Множество морфов, взятых с точки зрения тождества их значения и конкретных условий их употребления и распределения (дистрибуции), обозначается термином морфема. Несколько морфов представляют одну морфему, если установлено тождество их значения и условий их распределения по группам слов. С этой точки зрения морфы мн. числа -ы/-и, -ья, -овья, -а и др. представляют собою одну морфему на абстрактном уровне. Это доказывается не только тем, что они имеют одно значение, но и тем, что они связаны условиями своего функционирования; их материальное тождество состоит не в тождестве состава фонем, а в закономерном распределении их употребления по группам слов.

Автор выделяет понятие корреляции («несколько оппозиций, имеющих что-либо общее как в плане содержания, так и в плане выражения, соединяются в корреляцию...» — стр. 55) и различает лексическую, словообразовательную и грамматическую корреляции. Различие между указанными корреляциями усматривается в количестве соответствующих оппозиций. По мнению автора, «корреляции, охватывающие мало оппозиций (или одну оппозицию как предельный случай), будут лексическими — *щель: щелька, печень: печенька...*» и др. (стр. 55). «Корреляции, охватывающие среднее количество оппозиций, будут словообразовательными — *работник: работникца...*» и др. (там же). «Корреляции, охватывающие практически неограниченное количество оппозиций, будут грамматическими — *стол: столу...*» и др. (стр. 55—56).

Нам представляется, что словообразовательный или грамматический характер корреляции не зависит от количества оппозиций. Корреляция *куж* — *кумовья*, *сын* — *сыновья* представлена едва ли не этими двумя парами, между тем она имеет грамматический характер, если, конечно, корреляция по категории числа признается грамматической. Не число оппозиций определяет грамматический или словообразовательный характер тех или других корреляций, а характер членов этих корреляций. Членами корреляции могут быть такие два словесных образования, которые являются разными словами, таковы *работник* : *работница*. Членами корреляции могут быть разные формы одного слова, таковы *стол* : *столу*, *стол* : *столам* и т. п.

Решение вопроса о грамматическом или словообразовательном характере корреляции зависит от того, какие образования считать разными словами и какие — разными формами одного слова. Решение этого вопроса зависит не от количества оппозиций, а от принятого взгляда на форму слова.

По нашему мнению, два разных словесных образования являются разными формами одного слова, если их различия

выражают различия по меньшей мере по двум грамматическим категориям; таковы *куж* — *кумовья*. Различие в словесном облике этих слов выражает различие по категории падежа и числа. Грамматический характер этой оппозиции не зависит от малочисленности или многочисленности соответствующих пар. Два разных словесных образования являются разными словами, если различие в словесном облике этих слов выражает различие по одной категории; таковы *работник* — *работница*. Таким образом, словообразовательный или грамматический характер корреляции зависит не от численности соответствующих пар, а от того, какие факты языка образуют данную корреляцию, т. е. являются ли членами данной корреляции разные формы одного слова или разные слова.

Разработка проблем семиотики с позиции лингвистики имеет большое значение как для семиотики, так и для лингвистики. Выход рецензируемой книги, написанной лингвистом, будет способствовать разработке семиотического подхода к исследованию естественных языков.

Г. П. Ломтев

З. Г. Абдуллаев. Очерки по синтаксису даргинского языка. — М., изд-во «Наука», 1971. 479 стр.

«Очерки по синтаксису даргинского языка» написаны в духе традиционного «формального синтаксиса», в основе которого лежит принцип анализа «от формы к значению» («традиционное» в применении к рецензируемой книге весьма условно, поскольку «Очерки» представляют собой первое монографическое исследование синтаксиса даргинского литературного языка).

З. Г. Абдуллаев сумел выступить в дагестановедении с фундаментальной и весьма оригинальной работой, написанной на базе достоверных языковых фактов. Синтаксический механизм даргинского языка, на наш взгляд, представлен в этом труде таким, каким он есть в действительности. Благодаря тому, что автор последовательно строит свои теоретические положения только на базе имманентных структур описываемых единиц, даже известные и уже давно ставшие традиционными синтаксические понятия обрели применительно к даргинскому языку (да и не только к нему) новое содержание. Свою концепцию, основанную достоверными фактами, автор сумел провести через всю работу весьма последовательно. Оригинальность этой авторской концепции видна, например,

начиная с четко продуманной композиции работы и кончая анализом и выводами по важным в теоретическом отношении синтаксическим явлениям.

Композиционно рецензируемая книга состоит из трех частей, предваряемых кратким общим предисловием («От автора», стр. 3—7): I «Простое предложение» (стр. 8—290), II «Осложненное предложение» (стр. 291—380) и III «Сложное предложение» (стр. 381—462). Уже само по себе это членение ново и оригинально, так как в даргинском языкознании до появления труда З. Г. Абдуллаева вопрос об осложненном простом предложении не ставился.

Остановимся, прежде всего, на некоторых вопросах, которые поставлены и решены в I, самой обширной части, посвященной простому предложению, — тем более, что все решения принципиальных вопросов простого предложения (синтаксическая связь, члены предложения, структурно-типологические свойства предложения и т. д.), как видно из «Очерков», в одинаковой мере относятся и к двум другим типам предложения: осложненному и сложному.

Начиная I часть с определения самого понятия предложения, автор исходит